

Творчество С. А. Есенина наполнено философскими проблемами. В 1924 г. в его стихах неожиданно появляется множество вопросов, обращенных, в первую очередь, к самому себе: чем я жил? что я успел? Эти вопросы, так и остающиеся без ответа, отражают смятение его и потерянность, мысли о близком конце. Таким тяжелым душевным состоянием были оплачены последние шедевры его философской лирики, к которой относится и стихотворение «Мы теперь уходим понемногу». Это произведение было написано в 1924 году на смерть Александра Васильевича Ширяева, «новокрестьянского» поэта, с которым на протяжении многих лет Есенин был связан крепкой дружбой. Это подведение итогов буйной и беспокойной жизни, это размышление о преходящем характере нашего бытия: «Мы теперь уходим понемногу // В ту страну, где тишь и благодать». Очень осторожно упоминается «та страна», страна усопших. «Тишь и благодать», царящие там — это ниспосланная Господом награда за земную жизнь. Так начинается первая строфа, пронизанная пророческим предчувствием близкого конца. Но о смерти говорится завуалировано: «Может быть, и скоро мне в дорогу // Бренные пожитки собирать». Эпитет «бренные» придает строфе почти трагическое звучание, однако разговорное слово «пожитки» одновременно наполняет её легкой иронией. Мысль высказана с утвердительной интонацией. Нет сомнений в том, что все произойдет именно так. Однако вторая строфа совсем иная по настроению. Она убеждает, что лирический герой еще не готов пройти по этой скорбной дороге. Яркие олицетворения, трогательный эпитет, восклицательная интонация, обращения и использование личных местоимений свидетельствуют о жизнелюбии, о трепетном отношении к русской природе: «Милые березовые чащи! // Ты, земля! И вы, равнин пески!». Именно к природе взывает лирический герой, именно с ней горше всего прощаться, стоя у роковой черты. Но люди умирают... «Сонм уходящих» — как горестно, тоскливо звучит это сочетание! Впечатление усиливается и от принадлежности этого выражения к высокому стилю. Три следующих строфы — размышление о смысле существования в этом мире, ведь перед смертью по христианским традициям надлежит исповедаться. Уж не исповедь ли это? Все глаголы в этих строфах употреблены в прошедшем времени. Это создает ощущение безысходности, безвозвратности, однако суффикс «-л-» наполняет строки напевностью и плавностью. Этой же цели служит пятистопный хорей с пиррихиями в каждой строке. Откровенное признание в излишней любви к земному, к тому, «что душу облекает в плоть», то есть к разгульной жизни, сменяется восторженным взглядом на картины природы. Вот где можно найти умиротворение, вот чем можно успокоить израненное сердце! Как молитва звучит пожелание: «Мир осинам». Перефразическое олицетворение «загляделись в розовую воду» — красивейший образ, окрашенный в один из излюбленных есенинских тонов, принадлежащих к русской традиции иконописи. Но не только плотскими страстями была наполнена жизнь лирического героя: «Много дум я в тишине продумал // Много песен про себя сложил». В этих строках — прямое указание на автобиографический характер есенинского творчества, поэтому оправдана анафора «много», ведь его лирика многогранна. На этом противоречивом пути, на этой «земле угрюмой» были моменты, окрашенные в мажорные тона. Чувство полного, высшего удовлетворения не чужды герою, поэтому вновь анафорически звучат строки: Счастлив тем, что я дышал и жил. Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве. Радоваться каждому дню, каждой минуте — в этом, наверное, и заключается высшее счастье. Особое звучание приобретают строки: И зверьё, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове. Множество есенинских стихотворений посвящено животным. Они — гимн животному царству, без взаимодействия с которым не может совершаться самоопределение всего человечества. Мы живем по законам природы, только люди гораздо безжалостней, чем звери... Есенин дал фразеологизму «братья наши меньшие» новое значение — «животные, за которых люди в ответе». Тогда как этимология этого сочетания иная — Христос называл так людей низшего сословия, обездоленных. По-моему, в этом подтексте есть очень глубокий смысл. Последние две строфы объединены общим смыслом. В них взор вновь обращается в тот печальный и безмолвный мир. Есть ли там что-нибудь? Герой уверен лишь в том, что там нет тех красот,

которыми можно тешить взгляд на этом свете: «. не цветут там чащи», «...не будет... этих нив, златящихся во мгле», «не звенит лебяжьей шеей рожь». Эпитеты и метафоры помогают воссоздать поистине волшебную картину. Видимо, эта земля не настолько угрюма, если она исполнена таких красот. Лейтмотивом звучат строки: «Оттого пред сонмом уходящих // Я всегда испытываю дрожь». В них тоска по ушедшим в тот мир друзьям, в них горестный вздох о быстротечности нашей земной жизни. Что же делать? Оттого и дороги мне люди, Что живут со мною на земле. Последние строки стихотворения — это своеобразный вывод, итог глубоких размышлений, но это и скрытый призыв к читателю. Нужно ценить то, что дала нам жизнь, нужно радоваться каждому дню, нужно любить живых, нужно чаще признаваться им в этом, иначе можно не успеть... Лексика стихотворения очень разнообразна по стилистической окраске. Здесь и слова высокого стиля: «сонм», «плоть», «благодать»; и разговорного стиля «валялся», «зверье». Будто вся душа русского поэта, полная мучительных терзаний, раскрыта перед нами... Так и в нашей жизни много прекрасного, граничащего с низким. «Мы теперь уходим понемногу» — одно из последних стихотворений поэта, в котором сквозит оптимизм и любовь к жизни. Стихотворения последнего года наполнены черной меланхолией, в них явственно звучат прощальные нотки. Тем не менее, все лирика Есенина «жива одной большой любовью — любовью к Родине».